

Двое молодых парней, испугавшись до смерти, бросились бежать обратно. Люди А-Да тут же поспешили на помощь, и с большим трудом им удалось отбросить регулярные войска обратно.

Молодые парни остались целыми и невредимыми, но на южном посту погибли двое, а один был ранен. Вождь Наньгоу был вне себя от ярости и не собирался с этим мириться. Напившись, он в тот же вечер потребовал, чтобы молодые парни заплатили жизнью.

А-Да, конечно, был против, ведь сейчас каждый человек был важен для боеспособности. В мирное время можно было требовать жизнь за жизнь, но сейчас, когда враг у ворот, внутренние раздоры были ни к чему.

Тем не менее А-Да всё же вступил в схватку с вождём Наньгоу. В этой схватке А-Да одержал победу, хотя и получил ранения в руку и ногу. Но, по крайней мере, он спас жизни двух молодых парней.

— Вчера их матери гонялись за ними, чтобы отлупить, боясь, что сегодня ты их принесёшь в жертву, — сказал Ворон. — Ты ведь не станешь их приносить в жертву, правда? Парнишки неплохие, просто на этот раз перебрали с выпивкой. Вряд ли они повторят это снова.

А-Да не взглянул на Ворона, закурил сигарету и, подумав мгновение, спросил:

— А если не будет жертвы, как тогда? А как насчёт того, кого ты держишь? Сегодня вечером он остался последним.

Услышав это, брат Цун запаниковал. Речь шла о его А-Яне. Он даже не подумал о том, что должен притворяться, будто не понимает местного языка, и тут же вскочил с места.

Как только он встал, оба мужчины уставились на него с недоумением, заставив его поспешно сесть обратно.

— Нельзя так, А-Да, — сказал он. — Разве мой зад не стоил двух жизней? Ты... ты не можешь просто так поднять цену!

Ворон тут же повернулся к А-Да:

— А-Да, ты говоришь, что он может обменять одну жизнь на две?

А-Да пристально посмотрел на брата Цуна, также удивлённо:

— Да, а когда я говорил, что ты можешь обменять две жизни? Вчера я сказал, что если его никто не возьмёт, то...

— Как это его никто не возьмёт! — брат Цун хлопнул себя по бедру, возмущённо. — Посмотри на него, он красивее меня, кожа у него белее, он послушнее, и его даже легче обижать. Если ты выведешь его на прогулку, я уверен, что желающих взять его будет целый усиленный отряд!

А-Да не сразу ответил. Он молча продолжал курить.

Ворон тоже не осмелился сказать ни слова, переглядываясь с братом Цуном и А-Да.

Брат Цун подумал, что его двоюродный брат действительно дёшево продал его зад. У зада две половинки, и если они не стоят даже двух жизней, то это просто...

Вспомнив о двоюродном брате, брата Цуна осенило:

— У вас же есть ещё один помощник, тот, который, как и я, из внешнего мира. Он... он возьмёт его, он любит есть себе подобных. Спросите его, он точно согласится.

— Ты говоришь о Фазане, — тут же отреагировал Ворон.

Но А-Да покачал головой:

— Нет, Фазан в этом году только что женился. Не бывает такого, чтобы за год и жену взял, и названного брата.

Брат Цун хотел что-то сказать, но А-Да опередил его.

Он потушил сигарету в пепельнице, кивнул Ворону и спросил:

— А ты как думаешь? Ты возьмёшь этого малыша?

А-Янь почувствовал себя преданным. Преданным своим самым дорогим старшим товарищем и боевым соратником. Он и брат Цун больше не могли быть ангелами друг для друга, и даже элементарное доверие между людьми пало перед лицом зла.

Сейчас брат Цун сидел рядом с ним, курил и смотрел с выражением «я, чёрт возьми, помогаю тебе». А-Янь знал, что те два яйца на самом деле ничего не стоили, так что брат Цун даже не был благодарен.

Ему хотелось плакать. Он всхлипнул, но ветер был слишком сильным, и слёзы не потекли.

Брат Цун сказал, что Ворон — хороший парень:

— Посмотри на Ворона, какой он крепкий, какой способный. С ним у тебя точно будет мясо, будет суп, и... — брат Цун достал из кармана два яйца, — и яйца. Теперь будет четыре яйца в день. Больше белка — лучше для побега.

А-Янь отвернулся, игнорируя его.

Его сердце было полным тревоги и обиды, а ноги дрожали ещё сильнее, почти выбивая сигарету из его пальцев.

Два дня назад он ещё думал, что ему повезло. Хотя Ворон время от времени пинал его в зад и называл девчонкой, которая пытается быть солдатом, но, по крайней мере, у него было личное пространство ночью.

У него была куча соломы, на которой он мог спать, просыпаясь к миске риса, в которой иногда находил пару волокон мяса.

Хотя он сочувствовал брату Цуну за его испытания, брат Цун всегда был способным, так что он мог справиться с трудностями. Но сам он был другим.

Он немного сравнил телосложение Ворона и своё худощавое тело и вдруг понял, что значит быть непригодным.

Он был непригодным. Если бы Ворон действительно взял его в постель ночью, он был уверен, что на следующий день не смог бы встать, умер бы мучительной смертью, и тело его было бы изуродовано.

— Я бы лучше пошёл на жертвоприношение, — с гневом сказал А-Янь, теперь его ноги дрожали обе.

Кушань был холодным. Даже в меховой накидке он не мог согреться. Холод проникал в кости, заставляя их дрожать.

— Пока есть жизнь, есть и надежда, — наконец сказал брат Цун, сдвинувшись и сев рядом с А-Янем, успокаивающе похлопав его по плечу.

— Война всегда такая жестокая? Или только эта, в которую мы попали? — снова всхлипнул А-Янь, вдруг вспомнив фильм, который он видел.

На экране маленькая девочка сидела, свесив ноги, и смотрела на убийцу с выражением невинности и безнадежности.

Он почувствовал, что он — та самая девочка, только с мужскими гениталиями.

Да, год назад он был в школе, где, кроме тренировок и уроков, вечерами мог ходить в комнату отдыха, смотреть фильмы и встречаться с девушками. Но теперь, в какой жизни он оказался? Он даже боялся думать о будущем.

— Война всегда жестокая, — сказал брат Цун. — Просто эта, в которую мы попали, оказалась немного... своеобразной.

Хотя Ворон не сразу сказал, возьмёт он его или нет, брат Цун считал, что раз А-Да уже высказался, младший не мог отказать. Это как если бы начальник сказал: «Ты ведь добровольно работаешь сверхурочно, правда?» Подчинённый должен был кивнуть и сказать: «Да-да, работа делает меня счастливым».

Как оказалось, так и было. Спор между А-Да и Вороном длился долго, начавшись в доме, он перешёл на улицу, а затем на склон холма.

Двое заложников сидели на высоком холме, время от времени на них бросали взгляды проходящие мимо жители деревни, полные либо сочувствия, либо отвращения.

В конце концов первым подошёл Ворон. Он смотрел на А-Яня издалека, и даже подойдя близко, не отводил взгляда.

Брат Цун схватил А-Яня за запястье, чтобы тот не свалился с холма от дрожи.

А-Янь тоже напряг шею, готовясь к взгляду Ворона.

Он ожидал, что Ворон скажет что-то решительное, например: «Теперь ты будешь со мной» или «Отныне мы названные братья, если у меня есть еда, то и у тебя будет» или, в худшем случае: «Ты не умрёшь, не волнуйся» — что-то, наполненное мужским гормоном и немного мачизмом, что заставило бы А-Яня почувствовать, что, возможно, он не ошибся в выборе, и его зад, в конце концов, окупился.

Но, к его удивлению, Ворон смотрел на него долго, а затем просто фыркнул, назвал его «девчонкой» и ушёл с холма.

А-Янь замер на мгновение, а затем разрыдался.

Брат Цун никогда не забудет это кровавое жертвоприношение.

Его привели на вершину горы после заката. А-Да забрал свою меховую накидку, но дал брату Цуну хлопковую куртку.

Он сказал, что ночью будет холодно, а к утру станет ещё холоднее.

— В таком случае одежды будет недостаточно, нужно будет пить алкоголь. Пей смело, ты мой названный брат, я позабочусь о тебе.

Эти слова брату Цуну показались странными, но он также почувствовал, что это была забота А-Да. Ведь за время, проведённое здесь, он уже замёрз как собака. Он размышлял, как в этом месте, где даже снега нет, может быть так холодно, что холод проникает даже в трусы, будто ветер застрял там и не собирается уходить.

А-Яня забрал Ворон. А-Да сказал брату Цуну, что Ворон согласился взять его, но пока он будет продолжать прислуживать, а после Праздника Саламандры станет официальным названным братом Ворона.

Брат Цун спросил, кто тогда будет принесён в жертву.

А-Да ответил, что возьмут из деревни Бэйпо. В прошлый раз они использовали пленных, захваченных в Бэйпо, а на этот раз принесут их в жертву.

Брату Цуну стало тяжело на душе. Он знал, что это были такие же молодые парни, как и он, отправленные сюда. Просто ему и А-Яню повезло, что их не выбрали. Но другим «братьям Цун» и «А-Яням» не так повезло.

<http://bllate.org/book/16300/1470105>